

к 556
2

Москва, 8 июля 1923 г.

№ 26 (56)

Цена 8 рублей
(обр. 1923 г.).

КРОКОДИЛ

Рис. Д. Моорс.

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...

По постановлению парламента во Фран-
ции введено летнее время. (Из газет).

Французский заводчик: — Время теперь легче. Можно прихватить часок-другой. Если уже летом не поработать, так когда же и поработать?

Семь учреждений сделали заявки на железный лом и до сих пор железо лежит и ржавеет.
(Из ст. т. Сосновского).

Рис. Ив. Малюткина.

КРОКОДИЛ: — Пока урожай еще не определился. Но по моему у нас слишком много ржи!

АНОМАЛИЯ.

(Популярно научный рассказ)

Мы разговаривали (в свободное от занятий время) о последних научных открытиях, об успехах техники, о принципе относительности, о теории квант и о курской магнитной аномалии...

Концово-двуо-нов, зампред нашего правления, сказал, недоверчиво и тонко усмехнувшись:

— Признаться, этого я не понимаю. У сынишки моего магнит есть, так он не более, чем на вершок расстояния действует. Положишь гвоздь, или хотя бы иголку за два вершка, — не тянет. А как же так, чтобы сквозь землю на семьдесят сажен?..

Но Веревошкин, наш помсекретаря, скромно возразил:

— Нет, однакоже, не скажите. Есть многое, знаете, в природе! Вот, тоже у нас был случай... тоже магнитная аномалия. В провинции я тогда служил...

— Ну!

— Очень обыкновенно. Сыр-ья у нас не хватило, железа. Ну, стало-быть, остановился завод. Месяц стоит, другой... Третий месяц стоит...

— Да что вы ей богу, растягиваете на целый год!.. рассердился зампред. — Аномалия-то какая же тут?

— Магнитная, — повторил Веревошкин. — Очень обыкновенно: стрелка у комп-са стала вдруг отклоняться. Отклонится, подлая, и хоть ты с ней что: никакого ей удержу! Словно целые залежи железа у нас...

— Ну!

Рис. Д. Мельникова.

Установлено, что по НКПС в год требуется с мест 72.000.000 отчетных цифр по 226 основным бланкам.

— Ну, как обыкновенно, — сейчас же комиссию. Сами подумайте: из-за не-достачи железа третий месяц завод без-действует, а тут такая история!.. За-шумели. Приступили, конечно, к ис-следованиям...

— И что же?..

— Да что ж? Все, как следует быть, — неспешно сказал Веревошкин. — Пошли за отклонением стрелки: куда стрелка туда и комиссия. Стрелка направо, — и комиссия направо; стрелка — на глав-ную улицу туда же, за ней и комиссия... Стрелка — к тому дому, где нашего глав-ка отдел помещался, — ну, стало-быть, туда ж и комиссия! Тут стрелка — вверх!

— Как, то-есть, вверх? — удивился главный бухгалтер. — На облаках, что ль железные залежи были?

Веревошкин пожал плечами:

— Научное показание!.. Против на-уки не пойдешь: стрелка ежели вверх, то, значит, вверх и комиссия... А на вер-ху, на третьем этаже, надо вам сказать, акурат я тогда занимался. Стрелка — ко мне... Комиссия — тоже. Стрелка — прямо на мой карман! И что ж бы вы думали?..

Мы с недоумением посмотрели друг на друга, затем — на Веревошкина...

Веревошкин поднял брови, расставил руки и повторил:

— Что ж бы вы думали?.. хватился я за карман: «Батюшки, да ведь у меня в нем третий месяц ходатайство заво-да о погрузке десяти тысяч пудов ме-талла лежит!» И забыл совсем о нем, и из памяти вон за другими-то всякими делами!.. А?..

— Н-да... — сказал зампред правления.

— То-то, вот и оно-то, — закончил Веревошкин. — И еще бы месяц не вспо-мнил, если бы не магнитная аномалия!.. Вот оно, что значит наука-то!..

Мы задумчиво помолчали. Затем член правления Непойманный спросил:

— А скажите, товарищ Веревошкин... Если бы, например, банкноты?..

— В каком же, например, смысле? — не понял Веревошкин.

— Да в этом же самом... Тоже ведь металл, собственно говоря: золотая валюта!.. Так вот: если, скажем, ка-зенные банкноты, то и их можно маг-нитной аномалией обнаружить?..

Веревошкин отрицательно мотнул головой:

— Банкноты нельзя. Нешто магнит притягивает золото? Он только на счет железа и стали может способствовать.

Член правления Непойманный об-легченно вздохнул и погладил себя по карману. А главный бухгалтер сказал назидательно:

— Тоже и наука должна иметь свой предел! До всего не дойдешь!..

Грамен.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

(Разговор двух непманов).

— У меня — «вила в бок»...

— Ну-у... Поздравляю. Сколько же запла-тил...

— Да семь лимонов только...

— Как семь лимонов. Трильонов, хочешь сказать.

— Как — трильонов. За журнал-то...

— Какой журнал.

— «Крокодил»... Это он мне всадил «вилу в бок»...

— Фу, ты, чорт. А я думал — ты сказал, что у тебя — «вила в Бак».

Слишком большой состав.

Ценная находка.

На границе с Финляндией обнаружены деревни,
не значившиеся на картах С. С. С. Р.

Рис. Д. Моора.

Деревенские кулаки и самогонщики: — Ну, теперь мы открыты!

Сложная арифметика.

Челябинский отдел труда объявляет, что рыночная стоимость индекса 100 проц. ЦСТ. и Госплана по гор. Челябинску на 15 мая составляет 511 р. 8 к., товарный рубль по довоенной стоимости в 6 р. 59 к. стоит 77 р. 67 к., товарный рубль при условии стоимости в 10 руб. стоит 51 р. 10 к.

Согласно настоящего постановления предлагается госхозорганам руководствоваться при расчете зарплаты.

Завгота (подпись).

Это объявление вывесили в мастерской на видном месте. Рабочие собрались вокруг и рассуждают:

— Слышь, Митрий, не пойму что то... Ежели мне тринадцать рублей по седьмому разряду—то как тут выходит?

— Чего же не понять! Шесть с полтиной семьдесят рублей, а тринадцать—полтора лимона—ну и получай!

— Эк хватил—полтора! Стану я за полтора работать!...

— Голова! — подошел третий—а индекс на что! 100 процентов индексу, да сверхурочные...

— Индекс, видишь, ли один пятьсот лимонов стоит... Зря только наш союз в этих рублях считает! Сговорились бы в индексах!..

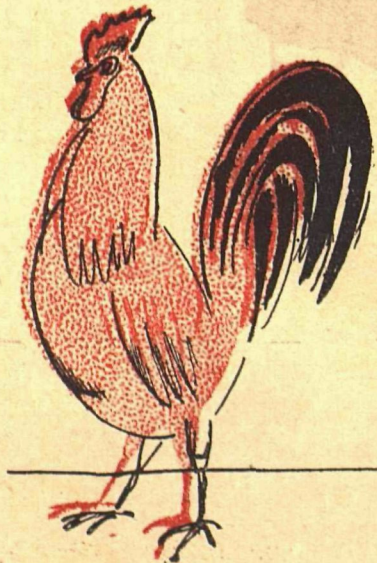
— Не так,—подошел еще один. Тут надо тонко понимать. Ежели выходит шесть рублей стоит семьдесят рублей, а десять рублей стоит пятьдесят, значит выходит тринадцать стоит... Дай-ка карандашик, посчитаю... Так. Ежели шесть, это будет семьдесят...

Рабочий помуслил карандаш, подумал подумал и потом торжествующе крикнул!

— Тринадцать рублей это тридцать рублей! Во как!

— Это за месяц-то тридцать!

Рис. Д. Мельникова.

Красный петух:—Хотел бы я посмотреть, как эта папская курья будет со мной бороться!

В Трудовом уезде Московск. губ. имеется на 450 жителей три церкви. Когда одну из церквей хотели взять под клуб—запротестовал главмузей и церковь осталась неприкосновенной.

Рис. Д. Мельникова.

Давно пора приняться за эти главки!

— А индекс то, индекс-то! Прибавь индекс вот тебе и получится!

— Ничего не пойму...

Целый день рабочие ходили как мухи и высчитывали. В субботу получка—а сколько получить не попытаешься. Пошли в контору к счетоводу.

— Николай Михалыч, объясни, сколько это нам выходит...

Николай Михалыч поднял голову:

— Чего же вы тут не понимаете... Очень просто...

Он взял объявление, перечитал, подумал:

— Чего же тут непонятного... Десять рублей—это пятьдесят один рубль, а шесть рублей семьдесят семь... Вот тут и выходит.

Николай Михалыч задумался:

— Да... Семьдесят семь...

Рабочий неуверенно спросил:

— Тут еще индекс бы прибавить надо... Семьдесят семь.

С индексом... Счетовод посмотрел в потолок, написал что то на бумажке, подумал, потом зачеркнул все, пересчитал еще раз, еще раз посмотрел в потолок, поднял голову и будто бы увидев рабочего в первый раз сказал:

— Что вы тут с пустяками лезете! И без вас работы не оберешься! Подождите до завтра!

Бабера.

Немецкие католики обратились к папской курье с просьбой помочь в борьбе с рабочими.

(Из газет):

К крестьянам С. С. С. Р.

(«Аэро-Крокодил» частушки).

Ну-ка, Сидор, Фрол, Пахом,
Соберемся с силой.
Понатужившись пошлем
В воздух «Крокодила»...

«Крокодил» — аэроплан
Строй, пока не поздно.
Будет он на вражий стан
Скалить зубы грозно.

Тыфу ему — английский сэр
Иль француза кепка.
Он лишь свой Эсэсер
Уважает крепко.

Ну-ка, Федор, Нлим, Андрей...
Предстоит затрата,—
Соберем-ка поскорей,
По лимону с брата...

Мы создать ему должны
Горизонт обширный:
Он не только для войны,—
И для жизни мирной.

Исполнять стремясь всегда
Роль «наркомпочтелью»,
Он поможет иногда
Даже земледелью...

Если высохла земля
От жары горячей,
«Притянуть» он на поля
Может с неба тучи...

Также, если хочет сесть
Саранча на ниву,
Сверху с ней борьбу завести
Можно будет живо...

Если ж жажда «птицей быть»
Вдруг кого заглохнет,
То — извольте, — прокатить
Вас он в небе может...

Сядут Яков, Пров, Ермил,
Митрофан и Фона,
И помчит их «Крокодил»
В «край Ильи пророка»...

Даст вестей с земли им ряд
Радио антенна...
Вот канов наш аппарат
Будет непременно...

Пусть увидит всяк народ,
Бритт, французы, Польша...
Ну-ка, жертвой, Нил, Федот.
Пять даю. Кто больше?..

Ф. Благова.

НЕУДАЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Это может случиться с каждым, особенно летом, когда ночи теплы и сини, когда сердце бьется сильнее и из всех кушаний больше всего хочется мороженого.

Одним словом, Сережа Пинягин влюбился.

— Ну и прекрасно,—скажет читатель. Стоит ли писать о таких пустяках?

Стоит. Вы знаете, кто такой Сережа Пинягин? Вы видели мануфактурно-галантерейную лавку на самой большой улице Лысогорска? В три окна, со створчатыми дверями? Видали? Ну, так эта лавка Петра Пинягина, а Сережа—первый и главный его наследник и компаньон. Пинягин—это краса и гордость Лысогорска, это единственный человек, которого в местной газете называют «непач». А знаете ли вы, в кого влюбился Сережа Пинягин? Что? Не знаете? Ну вот то-то—же Сережа Пинягин влюбился в секретаря местного райкома Р. К. С. М. Алечку Борисову!

Белогвардейские писаки неоднократно, злобно и желчно заявляли, что среди коммунисток нет ни одной интересной красивой, изящной женщины. Хотел бы я чтобы хоть один из этих злобствующих ехидных господ хоть раз побывал в Лысогорске и хоть одним глазком увидел Алечку. Я думаю, что Алечкина красота заставила бы даже самого закоренелого клеветника прекратить свои бессильные злобные выходки.

Так вот. Сережа Пинягин не плох был собой: рослый, румяный, широкоплечий и было немало девичьих сердец, которые замирали при виде Сережи.

Но... Сережин отец был единственный в городе непач, а Алечка—секретарь райкома Р. К. С. М.

* * *

Сережина любовь тянулась уже второй год. За это время успехов он не достиг никаких. Разве можно считать успехом, то, что Алечка покупала материю только в магазине Пинягина? Разве можно считать успехом то, что во время сбора на беспризорных детей Сережа дал в Алину кружку крупный дензнак и Аля с улыбкой сказала:—«спасибо»?

Но тут произошло чрезвычайное событие. Умер Пинягин-отец, Сережа остался единственным наследником пинягинских мануфактурных товаров и прочего. На двадцать втором году жизни стал Сережа свободным от отцовских указок. И сразу любовь его вступила в новую фазу...

Летним вечером с дрожью и трепетом постучал Сережа в дверь маленькой комнатки, на Прикладовской ул. в доме № 15, где незнакомым и милым почерком написанная висела записочка:

Аля Борисова

Секретарь райкома Р. К. С. М.

Стучите три раза—звонок не звонит!

Пробыл Сережа в комнатке долго, и вышел с пачкой огромной книг и брошюр.

Слышали прохожие на Прикладовской улице, как говорил Сережа Пинягин кому-то в пространство:

— Завтра же—надо начать.

На утро Сережа Пинягин был вежлив с приказчиками до крайности, выдал всем наградные за месяц и перед запоркой сказал:

— Прощайте! Завтра придет двоюродный брат мой Ермолай. Он теперь ваш хозяин. Я вызвал его телеграммой и передаю ему дело. А сам... сам поступаю на фабрику «Лысогорское пламя».

И роздал всем на прощанье книжку в коричневой обертке. На обложке стояло:

— «Азбука коммунизма»

* * *

Прошло еще около года. Аля внесла Сережу в списки Р. К. С. М. Сережа работал до поту, трудился, читал, просвещался, ходил на митинги.— спорил,—и все из-за Али.

Страховой страх.

Рис. М. Черемных.

В Омском отделе союза текстильщиков в страховую кассу записался... один человек.
(Из газет).

Один, один бедняжка,
Как пекрут на часах!

И вот получив на три месяца в село для смычки командировку подписанную милым росчерком «А. Бор...» Сережа Пинягин имел разговор на прощанье с Алечкой.

— Вы знаете—я переродился и стал другим ради вас!

— Знаю.

— Алечка! Я уезжаю. Но после этих трех месяцев могу я надеяться?

— На что, Сережа?

— Как будто не знаете! Я хочу, чтобы вы были моей женой! Я готов все отдать для вас!

— Сережа! Я очнь вас ценю и расположена к вам... но ведь уж три года как замужем! Мой муж в Москве, он видный партийный работник. Скоро он будет здесь и я уеду с ним... Ведь я была в командировке.

Никто никогда, вероятно, не рвал так бумагу как Сережа Пинягин кромсал на мельчай-

шие клочки командировку для смычки, подписанную милым росчерком «А. Бор»...

* * *

В местной газетке недавно помещена статейка: «обуздайте непача—кровососа». В заметке указано что непач-кровосос бьет по щекам служащих, не платит во время жалованья, не хочет платить за отпуск и взятками отделяется от целого ряда пакостей и преступлений им совершенных.

Этот «непач-кровосос»—Сережа Пинягин, владелец мануфактурно-галантерейного магазина на самой большой улице Лысогорска.

Вас. Лебедев.

Дачное.

Всякая дача должна находиться на реке. Если реки нет,—то может быть просто Клязьма. (Вроде эпиграфа.)

К вам, ответственному советскому работнику, в начале апреля в первый раз заявляется некая простуженная личность. Впрочем, в дальнейшем оказывается, что это вовсе не личность, а Коновалов Ефим, владелец дачи на Клязьме.

Вам вразумительно и достаточно понятно говорят:

— Так что, Моно... Дачу под детей отбирает... И если... то-есть, удостоверение, что вами занята дача, и за пол цены...

— Никаких Моно,—решительно отвечаете вы и, немного подумав, направляетесь:—никаких Монеи. Аронштам, напишите мандат!

И стремительный секретарь выдает требуемое удостоверение.

Через неделю личность появляется снова. За это время вы успели организовать коллектив из своих сотрудников; за это время вы окончательно решили провести лето на даче. Вы при-

ветливо встречаете Коновалова и радостно думаете: «Дача... Солнце, травка и прочая дрянь... Хорошо»...

Вы сладко зажимиваете глаза, но неожиданно вспоминаете, что перед вами предприниматель и прижимистый (все они такие) дачевладелец и самоуверенно спрашиваете:

— Послушайте... А у вас там... это самое... корова есть?..

— Как же-с,—поспешно врет Коновалов.

Вы решаете окончательно добить дачевладельца своими сельско-хозяйственными познаниями и предусмотрительностью.

— А что,—продолжаете вы:—много она простокваши дает в сутки?..

— Ведро-с,—находится Коновалов и пишет договор.

Вы внимательно прочитываете каждый пункт и с удовольствием констатируете: дача состоит из двенадцати комнат. Четыре—хозяин оставляет себе. Остальные, включая мебель, будут в полном вашем распоряжении. И все это почти даром...

— Совсем даром...—Самодовольно шепчете вы и быстро подписываете условие.

В мае Коновалов приезжает за деньгами. Льет дождь. Смутно пахнет весной и малярией. У Коновалова флюс и отчаянный кашель.

— Зря вы не переезжаете,—говорит он:—у нас теперь благодать...

«Обязательно нужно переехать»,—решаете вы:—не позже этого понедельника.

Воскресенье случайно выпадает не дождливое, и вы отправляетесь на Клязьму.

— «Необходимо все-таки осмотреть дачу,—думаете вы:—хоть и хвалил Аронштам, а надо...

Конечно, вместо Клязьмы вы попадаете в Мамонтовку, конечно, вместо ясного дня вас ожидает ливень,—но...

Но, так или иначе, вы разыскиваете к вечеру вашу дачу.

Коновалов услужливо показывает вам покосившееся крыльцо и почтительно говорит:

— Веранда-с!

Вы входите в комнаты и сразу же озадачиваетесь странной фантазией архитектора. Только четыре комнаты маломальски пригодны для жилья. Остальные—проходные при любой планировке.

«Бедный хозяин»,—сокрушенно вздыхаете вы:—будет ютиться в проходе»...

— И как вы будете жить здесь?—участливо обращаетесь вы к нему.

— Отлично с,—не смущается тот:—по договору вот эти четыре,—и он указывает на лучшие,—за нами, значит, останутся...

И коллектив служащих получает восемь, как одна, нелепых и проходных комнат.

Понятно, на «меблированной» даче не оказывается никакой мебели. Впрочем, есть сломанная кровать и кухонный стол.

«Зато дешево»,—утешаете вы себя:—«и, в конце-концов, месяц можно и на полу спать».

Одновременно с вами на дачу перебираются «родственники» хозяина. Коновалов успел уже предупредить вас, что в его комнатах будут жить свояки.

Вас несколько поражает национальное многообразие родни. Один из родственников—грузин еврей, торгующий где-то на Солянке. Второй—немецкий комиссионер. Третий—не то грузин, не то татарин.

Вы никак не понимаете состава этой странной семьи. Грек и еврей как будто и незнакомы друг с другом. Ваше недоумение разрешает грузин.

— Ва, кацо,—говорит он:—какой родственник... За десять миллиардов комнату снял, вот что... Это о тебе хозяин говорил: родственник...

В следующий понедельник вы узнаете, что не позже четверга обязаны выехать на постоянную работу в Тамбов. Вы прощаетесь с дачей, и в назначенный срок соседний дачевладелец везет вас на станцию.

— А дозвольте полюбопытствовать—оборачивается он:—за сколько дачу снимали?

Вы хвастливо называете цифру. Возница удивленно дергается на облучке и свистит:

— Эх-ма, да ведь можно бы ровно вчетверо дешевле.

И помолчав, возница презрительно сплевывает:

— Эх вы, одно слово, дачники...

— Что ты Ваня, точно арап какой!
— А арапы разве не люди?

Рис. Ив. Малютина.

На некоторых заводах рабочим, занятым в грязных производствах, не выдают мыла.

Созн.

Дружеский совет.

Рис. Д. Моора.

В Астрахани множество рыбы еще от прошлой путины гниет из-за отсутствия соли. Между тем и приближается новый улов.
Из газет.

Дохлая рыба: — Товарищи! Послушайте моего совета! Не ходите в сеть, Вас не посолят и вы сгниете так же бесцельно как я!

Румынские притонодержатели.

Франция собирается продать Румынии русские суда, воровски уведенные Врангелем.

Рис. М. Черемных.

Скупщики краденого караются
наравне с грабителями.

(Из судебной практики).

Деятельная натура.

На собрании так рассуждали:

— Выберем Петрушку Чукчеева парень он грамотный, а главное деятельная натура!

— Да он немножко... тово...

— Пустяки! За то бессемейный и времени у него много—а тут дело такое, секретарское...

И выбрали Чукчеева единогласно секретарем ячейки.

На утро Чукчеев вышел из дому в самом хорошем расположении духа.

— Наконец-то!—думал он.—Что я до сих пор был?—Ничего... А теперь вон Голутвин идет—небось первый поклонится...

И верно—рослый мужик—Голутвин, поровнявшись с Чукчеевым, сказал:

— Здравствуйте, Петр Терентьич!

— Петр Терентьич!—продолжал размышлять Чукчеев.—Небось вчера еще Петьюкой звал... То-то же! Знает кошка чье мясо съела! Буржуй... Нежелательный элемент... Его бы сейчас распечь как следует... Ну да бог с ним...

Чукчеев сразу осекся.

— Что это я? Бог? Да ведь никакого бога нет... Чорт с ним...

И опять подумал:

— Да и черта-то пожалуй нет. Ни бога ни чорта—а исключительно пролетарская идеология коммунистической диктатуры... Чтобы во всем порядок...

Чукчеев заметил ребят, игравших в городки:

— Это хорошо, что вы в городки играете... Физическая мускулатура имеет склонность к развитию...

Ребята перестали играть и стали слушать Чукчеева. Чукчеев вошел в раж и начал говорить:

— Конечно ежели которое культурное развлечение—там книжку почитать или газету—это и еще лучше будет, ну да ладно, можно и в городки играть. Не возбраняется и даже совсем напротив, поощряем...

Ребята стояли и слушали.

— Что же вы перестали—играйте, играйте, это можно. Вот если вы начнете какое безобразие, тогда можно и в холодную попасть и штраф,—а ежели вы в городки—это отчего же, можно... Играйте, а я посмотрю...

Ребята собрали рюхи и ушли. Чукчеев остался один:

— И чего это они? Я же их поощряю... Испугались! Как ссть испугались. Да

оно конечно—знают с кем говорят! Не кто-нибудь!

Чукчеев выпятил грудь, поднял голову и пошел дальше. Дошел до крайней избы:

— Здесь Тюря живет, знаем... Самогонщик... Подтянуть его...

— Петр Терентьич!—закричал Тюря из избы.—Зайди, чего мимо-то проходишь...

«Надо поддержать контакт с населением, хотя бы и бессознательным», подумал Чукчеев и зашел в Тюрину избу.

— Как у вас насчет политики,—интересовался Тюря,—декреты там, аль што.. Продналог, заем, расскажи...

И протянул с сожалением:

— Темнота наша!

Чукчеев вошел в азарт и проговорил чуть не час. Тюря покачивал головой и со всем соглашался. Под конец спросил:

— А что насчет винополии слышно? Будто опять открывают?

— Не разрешат,—отвечал Чукчеев. Ни в коем случае не разрешат. Конечно которое слабое и теперь продают, а крепкое—ни-ни!

Тюря зашел за занавеску и сказал тише:

— Слабее, говорит... Разбавь немножко водой—крепкого не потребляет! А выйдя к Чукчееву сказал:

— Закусить-то не откажешься! Не по-нушайся нашим хлебом-солью...

Чукчеев вспомнил, что голоден:

— Я не прочь...

— Да выпей стаканчик... Это слабое, слабое-то сам говоришь—можно.

«Отчего бы не выпить,—подумал Чукчеев, надо контакт соблюсти... Можно сказать самого бессознательного элемента в настоящее сознание привел».

Выпил чашку, потом другую, потом третью...

— Сам варишь?

— Где самому... Сват ономнясь прислал—да я сам-то и не потребляю... Только для хорошего человека бережешь... «И лицо честное,—подумал Чукчеев,—зря только говорят, что самогонщик»...

Выходя от Тюри Чукчеев думал: «Ишь какое ко мне уважение... Секретарь небось, не кто-нибудь...

— Ты что тут делаешь!—закричал он на мальчишку катавшего по дороге обруч от бочки.—Марш домой!

Увидев чье-то петуха, загнал его в поле, бросил камнем в собаку, швырнул ногой котенка:

— У меня чтобы порядок!

За околицей Чукчеев встретил незнакомого парня. Парень шел по дороге, курил и напевал под нос какую-то песенку.

— Ишь—поест! А не знает кто идет!

И, встав перед парнем во весь рост Чукчеев выкрикнул:

Ваш документ!

Парень смутился, но увидав потную и взлохмаченную фигуру Чукчеева, усмехнувшись, спросил:

— А ты что за птица?

— Я секретарь, а не птица!—возмутился Чукчеев.—Я тебе покажу—птица!

И Чукчеев выхватил револьвер.

В тот же вечер ячейка обсуждала поведение Чукчеева и постановила исключить его из партии за пьянство, буйство и дружбу с самогонщиками.

Матвей Кредит.

Смутный шум.

Рис. Ис. Малюткина.

Корреспондент буржуазной парижской газеты, описывая пятитысячную рабочую демонстрацию говорит, что он никого не видел, а слышал лишь смутный шум.

КОРРЕСПОНДЕНТ газеты «Попюлар»:—Дайте еще подушку! Две, три!! Я не могу выносить этого смутного шума!

Коммерческое дельце.

I.

Стоявший у окна плацкартного вагона брюнет обернулся к сидевшему рядом на скамье солидного вида пассажиру и общительно произнес:

— Ужасно надоело, знаете, смотреть на все эти столбы, деревья, мосты и прочие подробности. Вы не знаете, скоро будет Тверь?

— Тверь? Верст еще с пятьдесят.

— А вы тоже в Тверь?

— Да, тоже туда.

— В таком случае, позвольте познакомиться: Абрамсон.

Вслед за тем, Абрамсон нагнулся к самому уху нового знакомого и зашептал:

— Слушайте, давайте пересядем на другое место.

— Почему?—удивился сосед.

— Не нравится мне этот в кожаной куртке. Наверно комиссар.

— Ну так что же?

— А! Лучше подальше от них.

Пассажир улыбнулся, но пересел.

— Ну что,— снова начал Абрамсон,— Как у вас там в Твери?

— Ничего, все в порядке. Погода неважная.

— Что там погода? Кого сейчас интересует погода? Почему у вас рыженькие?

— То-есть как рыженькие? Простите, я вас не понимаю. И, вообще у нас женщинами не торгуют.

— Ха-ха-ха! Вы юморист господин Сидоров. Разве я вас про женщин спрашиваю? Я про десятки.

— Ах, вы вон о чем! Не могу вам сказать точно. Вы что, скупаете их?

— Нет, не специально. Я все покупаю и все продаю.

— Ну, и что ж, хорошо зарабатываете?

— Ничего себе. Дай бог здоровья Советской власти! Лучше чем раньше.

— Говорят, однако, что налоги громадные!

— Налоги?! А разве умный человек платит налоги?

Абрамсон вытащил кучу бумаг и показал их собеседнику:

— Вот вам удостоверения от разных бирж насчет моей безработности. Я еще паек от них получаю в двух местах.

— Гм... так, а теперь вы что везете в Тверь?

Крестьяне Моск. губ. жалуются на то, что сельскохозяйственные орудия продаются на очень невыгодных условиях и доставляются в разобранном виде, упакованными, при чем обыкновенно не хватает частей.

— Кожевенный товар. Может быть, у вас есть покупатель? Можете заработать.

— Покупателя нет. Знаете что, едемте прямо ко мне. Я сам, пожалуй, с вами сделаю дельце.

— Великолепно. С большим удовольствием. Я признаюсь, сразу разобрал что вы—человек коммерческий.

II.

Приехали к Сидорову.

— На какую сумму у вас товару?—обратился Сидоров к Абрамсону.

— Пустяки. Миллиардов восемьсот. Вот вам список. Товар замечательный. Шевро Блюменталь, хром, полувал. Подержите неделю—гарантирую вам тридцать процентов заработка.

— Так с—Сидоров придвинул к себе блокнот и начал что-то вычислять.

Абрамсон следил за покупателем и потирал руки от удовольствия.

Наконец, Сидоров закончил вычисления и обратился к продавцу:

— Ну-с, гражданин Абрамсон, с вас следует столько-то государственных сборов и столько-то за торговлю без патента. Итог можете проверить сами.

— Позвольте!—забормотал побледневший Абрамсон,—товарищ Сидоров, что вы такое говорите? Вы, конечно, шутите?

— Нисколько, просто исполняю свои обязанности: Я—податной инспектор.

Бен-Гали.

Картинки Москвы.

(Пивная с садом).

Столик к столику. Набито битком.
Чайное деревцо и аквариум рядом.
Внизу—окурки смешались с песком.
Это называется:—«Пивная с садом».
На эстраде сзади намалеван луг,
Над лугом облака, как пена из пива.
«Цыганский хор», растянувшись в круг,
Поет без усталости громко и кикливо,
Про очи, про ночи, про разбитый бокал,
Про тройки, попойки, про любовь святую.
А там у столиков ловкая рука
Быстро меняет бутылку пустую.
Над садом нависли чай и пар.
Кто то ругается смачно и у юрно,
Лица краснеют от выпитых «пар»,
И бешено хлопают двери уборной..
Здесь решаются сделки и дела.
— Вот тебе, Сеня, твои раскиски!
— Значит по рукам?—Была не была.
Поставь-ка еще полдюжину на спрыски!
Здесь отовсюду родятся друзья,
Пиво знакомит каждого с каждым.
— Петя! Голубчик! Ты да я—
Мы с тобой, брат, себя покажем!..
А когда наступает поздний час,
Смолкает хор и народу меньше,—
В «пивную с садом» входит смех
Десяток крашенных, пестрых женщин.
И еще поздней, полчаса спустя,
Хозяин красный и толстый, как бочка,
С сонной улыбкой говорит гостям;
— «Пора закрываться. Покойной ночи».
Тушат огни. И луна вверху
Видит, как потные, усталые «шестерки»
Гнетают со столиков рачью труху
Мокрый горох и соленые корки.

Вас. Лебедев.

Библиотека „КРОКОДИЛА“

Вышло в свет
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Демьяна Бедного
В ОДНОМ ТОМЕ.

Рис. М. Черемных.

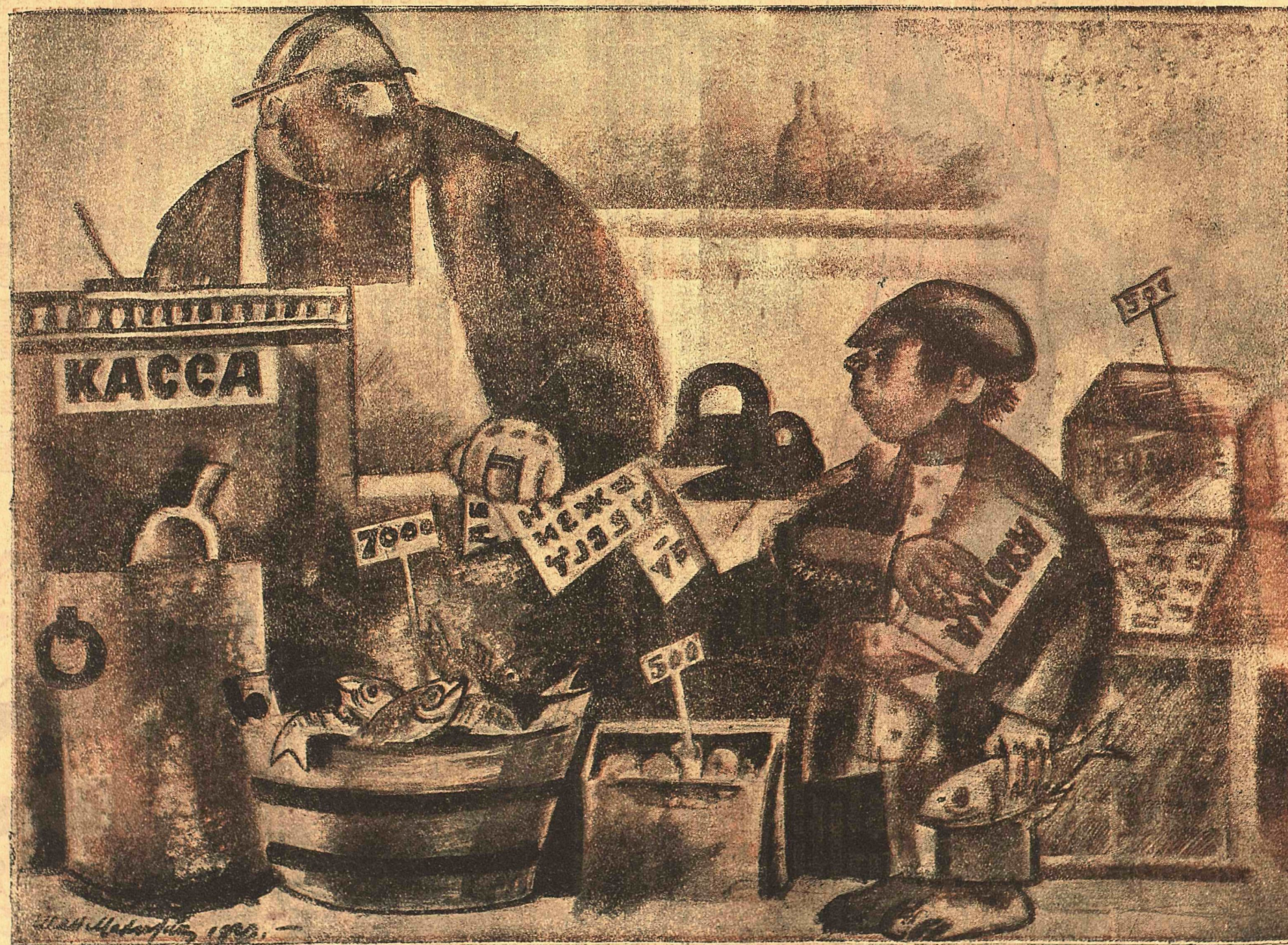

— Что же я с этой штукой делать буду? Если бы хоть змея был—а то ни жать нельзя ни гнать нельзя.

Азбучная несправедливость.

Рис. Ив. Мамути ш.

В лавках и магазинах нередко завертывают товары в буквари и азбуки, изданные в 1921—23 годах.

ХОЗЯИН:—Ну, завертывай, завертывай! Нечего прохлаждаться!
МАЛЬЧИК:—Эх! В кои то веки раз азбуку увидел и то приходится ее на воблу тратить!

ПРОДЕЛКА ЖАНА.

Действие происходит в уездном городе,—не все ли равно в каком! Все уездные города похожи друг на друга.

На главной улице, до революции не имевшей названия, а после революции, вдохновением завагитпропом укома, окрещенной в улицу «товарища Бела-Куна»,—ряд учреждений начинающихся на букву «у»: уисполком, уфинотедл, уотнароб и т. д. Рядом—«кафе-столовая Мадрид» (Чашный всход, посеянный рукою НЭП'а!), моментальная фотография «Рембрандт», магазин «ЕПО» и, наконец, маленький, ветхий домик, над дверью которого висит вывеска: «Парикмахтер Жан из Москвы», а на скамье у двери сидит сам Жан в образе угрюмого, прыщеватого юноши и лениво перебирает струны гитары.

Да, да! Гитары!

Если вы скажете, что у нас была революция, что за пять лет все перевернулось вверх дном, что бывший местный богатый-купец Дерюгин теперь, волею революции, превращен в старшего приказчика «ЕПО», а бывший потомственный почетный дворянин Игнатий Прохорович Тупатиллов—в счетовода уфинотдела, то, конечно, я соглашусь с вами, но скажу:

— Да, революция перевернула все, за исключением парикмахтеров. Ни какие силы революционные не смогли вырвать из рук Жанов, Полей, Жоржев и прочих мастеров «стрижки и брижки» ни их бритв, ни их собственных гитар.

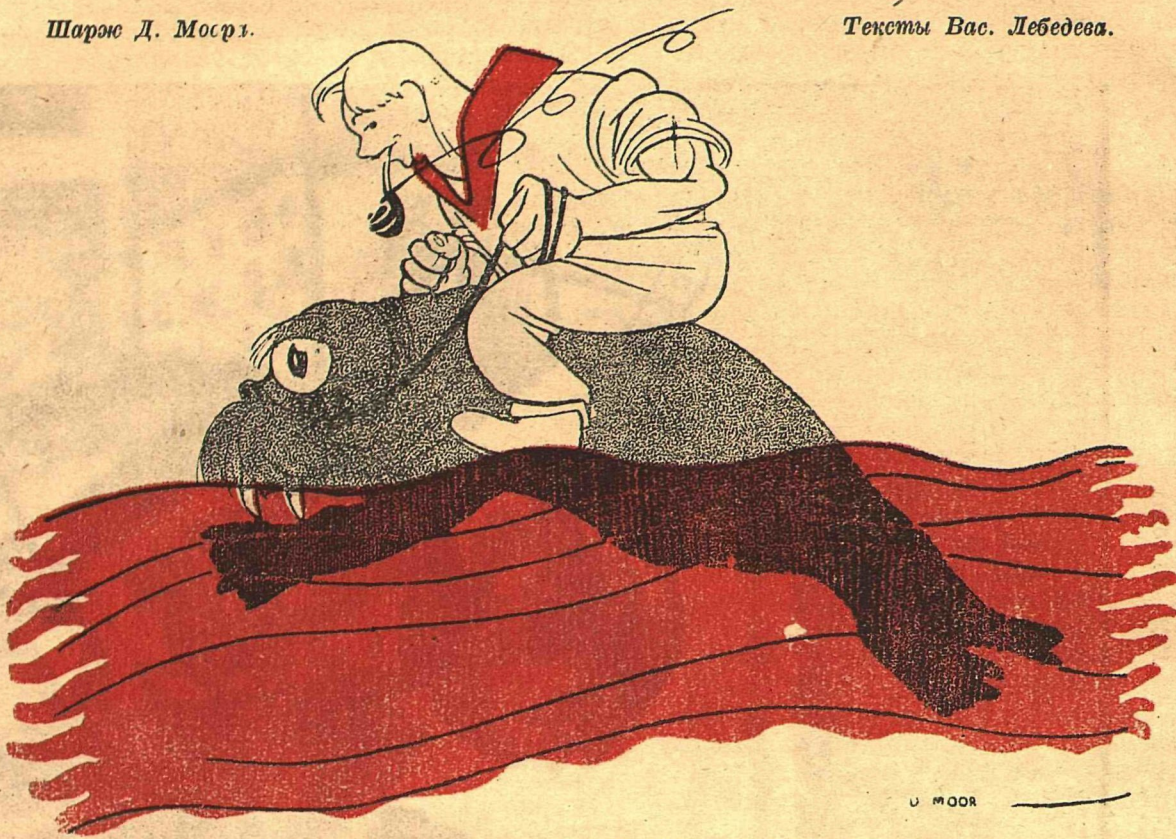
И вот, на шестом году революции, парикмахтер Жан сидит и переби-

рает струны гитары. Играть Жану не хочется. Жарко. Тучами летают комары, кусая граждан во все дозволенные и недозволенные для укусов места. Но Жан не отмахивается от

КРОКОДИЛЬЦЫ НА ОТДЫХЕ.

Шарж Д. Моора.

Тексты Вас. Лебедева.

Редактор—«батя» Еремеев
С дежурной трубкою в зубах,
Душистый дым вокруг развеив
Грустит о северных берегах

Под солнцем клязьминским лежа,
Мечтает он с волною споря,
Взнуздавши быстрого моржа
Нырять в холодном Белом море!

Крокодилы на отдыхе.

Мудрец и вечно—юный бражник
Отец плаката Д. Моор
Издевши старый и отважный
Завел в квартире птичий двор

Уставши тонкими штрихами
Грозит земле и небесам,
Он, как святитель, с голубками
Ведет беседы по часам.

назойливых коммивояжеров малярии. Жан бренчит, ибо ему нужен аккомпанимент своим мыслям, таким же мрачным, как прыщи на лице.

— Черт возьми!—думает он,—За всю неделю (дрынь! дрынь!) я выбрил только две бороды и постриг под машинку одного мальчишку. (Дрынь! Дрынь!) Пятнадцать лимонов за неделю,—да это подохнуть можно с голоду! Летом все порядочные люди бреют головы, а здесь...

Жан ожесточенно рвет минорный аккорд и зевает. Потом в миллионный раз упирается глазами в окна дома напротив, зная, что там, за занавесками живет Анна Петровна Мызкина, девица неопределенной профессии, владелица язычка, выбрасывающего что то около тысячи слов в минуту, местная «радио-станция».

Город на 23 тысячи жителей выписывает всего десять номеров газет. 22990 человек пользуются услугами Мызкиной, совершенно бесплатно снабжающей их «самыми достоверными слухами и последними новостями».

Жан смотрит в окна, потом кладет гитару на скамью и, с видом человека, у которого внезапно возникла идея, переходит улицу.

— Анна Петровна! Анна Петровна!—кричит он, просунув голову в окно,—на одну минутку! Важное дело! Здравствуйте, Анна Петровна! Вы слышали новость?

Лицо Анны Петровны вытягивается, как у голодной собаки, почувшей дичь.

— Самая последняя новость! Под большим секретом!—Жан озирается по сторонам и, убедившись, что подслушивателей нет, говорит:

— Издан декрет...

Голос Жана снижается до неразборчивого шепота: шу-шу-шу...

Так проходит две минуты, срок в который Анна Петровна успевает выслушать последнюю новость, всплеснуть руками, крикнуть: «что вы говорите?!», надеть шляпку и выбежать на улицу.

— Что вы говорите?—снова спрашивает она Жана,—неужели это правда?

— Совершеннейшая! Мне сказал начальник почты. Хитрый парень. Узнал и прибежал ко мне первым.

Мызкина сует Жану руку и мчится вдоль улицы «товарища Бела-Куна».

Жан возвращается на скамью, берет гитару и извлекает из нее уже мажорные аккорды: трень! трень!

Через три часа,—срок, в который Анна Петровна успевает обежать половину города,—у двери парикмахерской длинная очередь взволнованных, бородатых обывателей. В очереди оживленный разговор.

— Доехали! Скоро на воздух налоги введут!

— Товарищи стараются, чтоб им пусто было!

— И когда все это кончится?

— Вася! Беги, скажи Никанору Степаньчу, пускай к парикмахтеру идет!

А в парикмахерской, энергичными взмахами руки направляя бритву, Жан весело говорит посетителям:

— И напрасно вы ругаете советскую власть. Декрет о налогах на бороды гигиенический, по постановлению товарища Наркомздрава. При теперешнем летнем периоде, когда холера и прочие эпидемии...

Гитара Жана обречена на долгое одиночество.

Архип.

ВИЛАМИ В БОК.

Контр-адмирал Полундра.

В приложении к газете «Псковский Набат» (№ 81) — «Листке Молодежи» — органе губкома РКСМ напечатан изумительный ПРИКАЗ № 1, который, в целях экономии места, приводим в выдержках.

Приказ № 1-й по всем подведомственным мне (!) ячейкам города и губернии. (Входит в силу со дня напечатания. Оговорки о незнании приниматься во внимание не будут).

1) Принимая во внимание, что... подведомственные мне (!) ячейки, как «Металлист», «Шпагат» и «Пролетарий» продолжают тянуться в хвосте и ничего не делают, то... приказываю (!!):

С сего числа... подписаться на несколько газет... добиться к себе хорошего отношения беспартийных, а всем типам (!), в руках коих могут держаться карандаши, перья и прочее оружие — начать писать и выпускать стенные газеты.

2) Неоднократно проходя по подведомственным местам, преобладающий элемент в коих составляют активные работники, несмотря на весеннее время, моим ушам приходилось слышать от висящих в воздухе матовых ругательств, то посему, принимая во внимание климатические условия и экономию разговорных слов — приказываю:

Сокращать свои разговоры на 300 слов в сутки.

3... Прекратить всякое глумление над чужими спинами, карманами, хлястиками и громотводами (шпильки мудрости на шляпах (!)). В противном случае буду карать по всем строгостям морской дисциплины, вплоть до занесения в черные пункты (?) моих приказов.

4... здание бывш. фан-дер-Флита есть клуб молодежи, а не дом терпимости и является местом просвещения, а не свиданий и поэтому вся беспартийная молодежь, забывшая это, будет из клуба вышибаться и не подпускаться на пушечный выстрел.

Подлежит к исполнению для всех активных, пассивных и прочих работников.

Подлинный подписал: контр-адмирал псковского губернского «комса» Полундра.

Если бы под приказом стояло: «Мартобря 35 дня», крокодилу было бы ясно происхождение приказа, но отсутствие этой даты повергает Крокодила в смущение.

— комсомольцы-псковичи! Дорогие ребятки! Именем Бухарина заклинаю вас немедленно разъяснить в чем дело.

Пророк из Курсавки.

«В огороде бузина, а в Киеве дядько», во Пскове контр-адмиралы, а вот в Курсавке, Ставропольской губернии чином повыше — не какие-нибудь контры, а пророки, приносящие не меньше одиннадцати заповедей.

Обитает пророк в Курсавском волисполкоме, председательствует, вернее подписывает заповеди, автором которых, как нам известно, является пророчий секретарь, он же и секретарь волисполкома. Вот образчики заповедей:

2) Прибыв на занятия (сотрудники волисполкома) должны занять свои места, не заниматься пустой болтовней, а продолжать работу.

5) Не заниматься пустой болтовней, а выполнять возложенную на тебя работу быстро и аккуратно.

10) Секретарю ВИК и Деловоду военотдела завести табель срочных донесений и вывесить в своем отделе на видном месте.

11) Секретарю ВИК ежедневно в 9 час. сделать доклад Предвику о

полученной почте, о работе по канцелярии и о исполнении бумаг.

За неисполнение кем-либо из сотрудников вышеуказанного будет удерживаться штраф из выдаваемого месячного жалования 10%. Предволисполкома (подпись). Предместкома (подпись). Секретарь (подпись).

Товарищи. Вы забыли двенадцатую заповедь. Гласит она «быстро и скоро»: — «Не глупи»!

КРОКОДИЛЬЦЫ НА ОТДЫХЕ.

Шарж Д. Моора.

Знаток новейшего искусства
Влюбленный в кисть и карандаш
С сачком Малютин ходит грустно,
Ругая клезвинский пейзаж:

— «Ведь тут не виды, а халтура.

Тут не река, — а ручеек!..»

В сачке лежит лягушка-дура

И тюбик краской весь истек.

Что пьет покойный Николай Романов.

Крокодил не верил в загробную жизнь. Оказывается он глубоко заблуждался. Загробная жизнь существует. Да! Да! Доказательства? Пожалуйста! Всем известно, что Николай Романов пущен в расход? Всем. А все ли знают, что он и теперь продолжает, если не обедать, так во всяком случае пить пиво? Не знаете? Так вот, знайте! Николай Романов пьет пиво и его поставщиком состоит Хамовнический завод в Москве. На бутылках, которые выпускает завод красуются этикетки «СТОЛОВОЕ ПИВО Поставщик двора Его Величества. Хамовнический завод в Москве». Он же, пьет и рябиновую настойку Петра Смирнова, поставщика его величества под ярлыком Винторгправления В. С. Н. Х.

До нормы первобытного времени.

Мы твердим об экономии и бережливости. Радует, когда расходы уменьшаются, а работа достигает нормы довоенной. Но до сих пор, насколько мне известно, никто не отметил то учреждение, которое оказалось наиболее бережливым и экономным. А следует. Вот, например, как не отметить и как не премировать Махринское лесничество Александровского уезда, Владимирской г., расходы которого сведены до нормы первобытного времени (а не довоенного!).

Освещение, водоснабжение, канализация и наем помещений. 3. р 24 к.
Разные хозяйственные расходы и мелкий ремонт. 8. р 88 к.
Канцелярские расходы . . . 11 р. 33 к.
Почтовые, телефонные и телеграфные расходы . . 94 р. 50 к. и т. д.

Цифры в дензнаках 23 года! Вот это экономия! Это бережливость!

И в самом деле. Раз ты в лесничестве, освещение солнечное, водоснабжение из лесных ручейков, канализация — даже смешно о ней и говорить, а помещение — под любым кустиком! Даже удивительно, на что это нужно расходовать 3 рубля и 24 копейки!

Крокодил просит прислать портрет автора сметы, присланной в Махринское лесничество, для помещения его с похвальным отзывом в журнале.

Хоть вы и комендант, пожалуйста на вилы!

Это приглашение Крокодил адресует коменданту дома АРА (Москва, Денежный переулок № 5 Сосновскому (не смешивать с Л. Сосновским!), который:

1) Принял на службу помимо биржи труда деревенскую девушку Логинову 17 лет, заставлял ее работать по 20 часов в сутки (даже в день 1-го мая!), выгнал из комнаты жить на кухню, а потом предлагал ходить ночевать в дом, где «каждую ночь приходят мужчины, заявив при этом, в ответ на протест Логиновой:

— Ну что ж, и к тебе будут ходить мужчины.

2) Эксплуатировал истопника Грудина и его помощника Подкопаева, взятых также помимо биржи труда, причем Подкопаева поранившего руку на работе, уволил, не заплатив ему на лечение.

3) В целях наведения страха на служащих, именовал себя чекистом, доводя об этом до сведения «всех собак и кошек в доме АРА».

А посему, принимая во внимание все вышеизложенное, гражданин Сосновский подлежит высшей мере наказания:

— Протыканию вилами обоим бокам.

Наркомвнешторг из Саратова.

Оригинальные понятия бывают иногда у людей...

Когда на суде члена Правления Ромбро спросили, чем он заведывал, он ответил: «Внешторгом»...

— То-есть... — не поняли судьи.

— Торговлей за пределами Саратова... (Саратов. изв.).

Вероятно, этот тип когданибудь так будет повествовать о своей заграничной поездке:

— Третьего дня зашли ко мне мои знакомые: Наркомпрос (т. е. учитель Прим. ред.), Наркомпочтель (барышня с почты), Наркомздрав (фельдшер) и В. Ц. У. (понамарь). Мы всем исполкомом отправились на Энкапас (вокзал) и отправились за границу (т. е. на дачу).

«Современное меню».

В Самарской газете «Коммуна» помещено следующее объявление, показывающее, что наши рестораторы не хотят «отстать от века».

РЕСТОРАН

Струковского сада.

Курзал, телефон № 479.

Меню на 10-е июня.

Обеды из 4-х блюд от 2-х час. до 7 час. вечера:

1) суп Азель, ватрушки 2) судак Орли, соус томат, 3) Шницель Совнаркомовский, 4) мороженое кофейное.

Как видит читатель, «соль» этого объявления—в 3-м блюде... Может быть, появятся скоро и другие новинки: 1) суп а-ля-Луначарский, 2) беф-Красин, 3) осетрина Наркомпутная, 4) вафли Ры-Кы-Сы-Мы.

Но, по нашему мнению, напрасно давать повод говорить:

— А вот я сейчас Красина-то... хап и съел...

«Спящий агитпункт».

Некий к-ц Бойко рассказывает в «Красном Крыму»

Довольно спать кошмарным сном.

Такой лозунг красуется на дверях агитпункта ст. Симферополь. Есть там и записочка. На ней написано: «Здесь тов. могут получить свежие газеты».

Хочу я по перрону и слышу говорят об убийстве тов. Воровского.—Зайду, думаю,—в агитпункт и прочитаю об этом в газете. Пошел.

Крокодилы на отдыхе.

Шарик Д. Моора.

Худсекретарь И. П. Абрамский.
Бич цинкографий и клише,
Спортсмен отчаянный в душе,
Велосипед имеет дамский

Но тут то было. Пункт закрыт. Походил час, другой... Все еще закрыт... Пошел в вокзал... Вижу какой-то изнан читает газету. Подсел и я к нему—давай читать. Прошло еще два часа. Иду опять на агитпункт. Опять закрыт. К кому же относится лозунг: довольно спать кошмарным сном? К агитпункту, что-ли.

Вероятно, к нему...

И если эти «агитпунктовцы» не могут проснуться сами, то надо, чтобы кто-нибудь разбудил их...

В редакции Крокодила.

1. Описание в «Тьмутараканских Известиях».

Роскошное здание. Более роскошное, чем 2-й дом Советов (бывшая гостиница Шнеерсона). Обширный кабинет. За огромным столом редактор Крокодила Еремеев. Голова его убелена сединами и славой, в руках—синий карандаш. Перед ним—груда рукописей. Письма со всех концов земли. Даже с Маточкина шара. Из Африки. Из Южной Австралии.

Рядом—редакционная корзина. Редактор работает. Зво радиотелефона:—Алло!—«Редактор».—Да, я.—«Приветствую вас с Сандвичевых островов. Ваш подписчик № 2783.957».

Внизу, у подъезда редакции, тысячные толпы. Ждут приезда художников.

— Едут—проносятся в толпе.

Подъезжают автомобили. В первом—Черемных, во втором—Моор, в третьем—Малютин, в четвертом—Мельников. Раз-

дается мощное ура. Население Москвы приветствует любимых художников. Дружно звучит Интернационал.

Художников снимают с автомобилей и на руках вносят в кабинет редактора.

— Поздравляю—обращается к ним Еремеев:—ваши рисунки переведены на английский и китайский языки, и кроме того, вам присуждена Нобелевская премия.

В комнату входят секретари: Кумач, Пустынин, Свэн, Абрамский. У всех ордена трудового Красного Знамени. У Абрамского, кроме того, орден Почетного Легиона.

Начинается деловое совещание. Стенографистки записывают каждое слово. Три киносъемщика производят непрерывные съемки.

С улицы снова доносится гул и пение. Снизу взволнованно передают:

— Приехал Демьян Бедный.

Общее ликование. Окруженный репортерами иностранных газет, входит Демьян. Стройная фигура народного певца и трибуна порывиста и гибка. Над мраморным лбом вьются иссиние-черные кудри.

Заседание продолжается...

2. Описание в белогвардейской газете.

В тайном притоне за недопитой бутылкой водки редактор большевистского «Крокодила» известный рецидивист Еремеев. Он же и Васык Хрящ.

— Вот что, шпана!—говорит он своим собутыльникам:—завтра профессоров бить.

— И скубентов—мрачно прибавляет взломщик Черемных.

— Хорошо бы понам кровь пустить—мечтательно вздыхает Кумач, более известный под кличкой Рваная губа.

— Трепло!—перебивает Моор:—да рази можно. Слыхал чай, англичанка не велит.

— А по мне, без «мокрого» тошно,—уныло возражает Пустынин.

— Кого резать?—сразу настораживается китаец Свен-Дзы-Дисан.

Темная компания приступает к работе и через час очередной номер Крокодила готов.

Под угрозой расстрела наборщики набирают отвратительный и кощунственный текст. Отряд латышей и китайцев дежурят у типографии и с трудом сдерживают народное негодование.

Через неделю номер выпущен. Распространяют его насильно, выдавая вместо хлебного пайка измученному населению Совдепии.

В тот же день вечером опухшие от пьянства и разврата преступники снова отправляются в загородный вертеп.

К ним присоединяется небезызвестный выкредст Арон Перельмуттер (он же и Демьян Бедный).

До утра тянется дикий разгул. Щедрой рукой разбрасывается, вырученное от продажи церковных ценностей, золото.

Вдребезги пьяный бывший протоиерей и расстрига Абрамский ловит руками воздух и, размахивая револьвером, кричит:

— Бей!..

На самом деле.

На самом же деле—ничего подобного.

Свэн.

Руки чешутся.

В Гайчульском сельсовете Запорожского уезда засел предом некий гражд. Шевченко. Приходят к нему крестьяне за справками по тому или иному вопросу, а он начинает разяснять ударами в лицо, из которого начинает сочиться невинная крестьянская кровь. Получив такое истощающее объяснение крестьяне убегают, а Шевченко им вдогонку кричит:

— Арестуйте их за нарушение тишины и спокойствия! И прибавляет:

— Бандиты и безбожники!

Кроме того он облагает продналогом женщин-матерей, кормящих грудью, беременных и т. д. В данный момент крестьяне ведут разговоры такого содержания: кто нам посадил такого хозяина и кто его может отсюда убрать? Просьба дать указание в журнале «Крокодил», как его от туда изжить.

Делегатка женотдела

Лизаля.

НАШ ОТВЕТ:

Так как у гр. Шевченко чешутся руки и потому он занимается рукоприкладством, следовательно у него чесотка. В

КРОКОДИЛЬЦЫ НА ОТДЫХЕ.

Шарж Д. Моора.

Сверх-динамический художник Враг трафаретов прописных, Певец, искатель и безбожник Борьбою занят Черемных Он каждый вечер точно пуля Влетает в цирк на два часа, Чтоб увидеть Ивана Спудя И Черной Маски чудеса.

виду заразности этой болезни, советуем изолировать означенного гражданина впредь до излечения. Болезнь в той форме, которую она приняла у Шевченко, не поддается излечению обыкновенными медицинскими средствами—минуя отд. здравоохранения обратитесь прямо в тепеу.

Пасху праздновать можно — а первое мая нельзя.

В Лисвенском, Пермск. г. заводе работает 5500 чел. Первого мая завод был остановлен, кроме Мартена, в котором занято 160 чел. На запрос заведующего заводом Лызова, почему один Мартен должен работать ответ был такой: праздновали Пасху—теперь должны работать.

На пасхе сожгли 16 кубов дров, платили тройное жалованье дежурным—а в праздник труда было нельзя. Как же праздники должны праздновать—старые церковные обжорства и религиозных предрассудков или праздники труда и великих исторических событий?

Трофим.

Скажите Вашему Лызову от имени КРОКОДИЛА, что уж если праздновать, то праздновать первое мая! Уж не соблазнился ли он примером за границы, где первое мая праздновать не разрешают? Тогда ему за границей и место...

Некультурные культурники.

В дер. Хохловке 43 отд. милиции есть клуб «Парижская Коммуна», где творятся безобразия, танцульки с драками. Тов. Якушев—секретарь ячейки, Копченев Вас. и др. организовались недавно и сами показывают пример: пьянствуют, бегают пьяные по клубу с винтовками, спрашивают документы у ребят, обыскивают посетителей, ища оружия и бьют чужих ребят, чтобы не ходили не в свою местность. А 6-го мая дело дошло до того, что с револьвером и с винтовками Якушев и его подчиненные устроили драку среди улицы в час ночи и перепугали жителей криками: «застрелю, убью!» Разни-

мавшим драку Якушев грозил револьвером, а его товарищи—винтовками. Крокодил, помоги... Житель Хохловки Носков Федор.

КРОКОДИЛЬЦЫ НА ОТДЫХЕ.

Шарж Д. Моора.

Огненный Лебедев (Кумач) Литсекретарь, поэт и лирик Фельетонист, актер, сатирик Бежит от дач и неудач Он наблюдает птичьи права, Москвы вдыхает чад и дым И хочет срочно ехать в Крым Для отдыха работ и славы.

И еще клуб называется «Парижская Коммуна»! Если бы он назывался «Лозаннская конференция»—тогда было бы понятно поведение господ, Якушева и компан...!

Новая должность.

Дорогой Крокодил, ты бы нас, деревенских жителей навел. Для первого знакомства подадим на закуску председателя (волостного исполкома Голованова, да его опричников—старшего милиционера Соколова, да в придачу председателя сельсовета Федотова, а то нам от них житья нету. И вот эта тройка лихая весело гуляет, самогон всю попивает, самогонщика имеют по штату за дешевую плату. А когда у него самогона не хватает самого в кутузку сажает.

И вот шикарно эта тройка живет, вкусно ест, много пьет. Да у них наши общественные деньги собраны—расклады, налог на ремонт дорог и должно быть денежкам капут. Думали ревизовать, а они арестом грозят...

Моск. г. Коломенск. у. Суковский. вол. дер. Речицы Василий Казеев Николай Макаров.

Примечание КРОКОДИЛА. Любопытно знать, по какому разряду получает жалованье волостной самогонщик? Давно ли установлена эта должность и кем? В некоторых местах сократили волсоветы так, что оставили одного председателя—надо бы и Суковский волсовет сократить—и уже вместе с его председателем!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

МОСКВА.

Селезнев. Не пойдет. Шальному. «На сокращение не согласен». Мы и не намерены. Чего сокращать, раз все-равно не годится.

ПРОВИНЦИЯ.

Павлоград. — П. Градскому. «Кинофильм» используем. «Курортная одиссея» непомерно растянута. «Иностранских стихов» вообще не печатаем. Пишите еще, только короче и на бытовые темы.

Гуляйполе. — Семешко. Рассказ скучноват. Тему используем.

Анапа. — М. Му. Еопами не интересуемся.

Краматорский Гос. завод. — Трубачу. «Картинка в театре» бледна. Не пойдет.

Брянск. — Новикову. За присланное спасибо. Ждем еще.

Тверь. — Шипу. Ваше письмо будет помещено в «Страничке Читателя».

Иваново-Вознесенск. — Назу. Пишите на бытовые темы.

Кр. Холм. — С-ну. «В иное время ты ядовито кусаешься, и автор не смеет, писать опасается». Напрасно, только надо писать хорошо.

Орехово-Зуево. — Колпакову. Гор. Мясгутово. — М. Седому. Кострома. — Рабочему. Щацк. — Тихасину. Не пойдет.

Рудник Октябрь Рев. (Донбасс). — Безфамильному. «Пришло вам еще статьи».

С. Большово. — Ваганову. Стихи сделаны очень небрежно. Нужно работать над каждой строчкой.

Баку. — Б. Бархатову. За «копилку курьезов» спасибо.

Редактор—Ред. Коллегия.

Издание «Рабочий Газеты» МОСКВА, Охотный ряд.

25

181

БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ.

Рис. М. Черемный.

В клубе Московской Бойни ведется отчаянная игра в «банкет», «скелеаку» и т. д. («Раб. Москва»).

ШУЛЛЕР: —Хитро ты, Митрий делаешь! Прямо по буржуйски?

РАБОЧИЙ —Как так?

ШУЛЛЕР: —Да так: все деньги и весь хлебный заем вложил в банк. Только банк то вот не государственный

КНИЖНАЯ ПАЛАТА
7/10/1933